

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ ВЫБОР

КОГДА ДРУЗЬЯ СТАНУТ ЕЕ ВРАГАМИ,
А ВРАГИ – ДРУЗЬЯМИ,
НА ЧЬЮ СТОРОНУ ОНА ВСТАНЕТ?

новое издание,
дополненное
и переработанное
★★★★★

продолжение повести
«Змеед» и романа
«Контроль»

Виктор Суворов

Выбор

Серия «Жар-птица», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129747
Выбор / Виктор Суворов: Хорошая книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-98124-569-5*

Аннотация

Остросюжетный исторический роман Виктора Суворова «Выбор» завершает трилогию о подготовке Сталиным в 1936–1940 годах новой мировой войны и о борьбе за власть внутри руководства СССР, в которую входят повесть «Змеешед» и роман «Контроль». Читатель станет свидетелем кульминационных событий в жизни главных героев трилогии – Анастасии Стрелецкой (Жар-птицы) и Александра Холованова (Дракона). Судьба проводит их через суровые испытания и ставит перед нелегким выбором, от которого зависит не только их жизнь, но и будущее страны и мира.

Автор тщательно воссоздает события и атмосферу 1939 года, когда Сталин, захватив власть в стране, и полностью подчинив себе партийный, и хозяйственный аппарат, армию и спецслужбы, рвется к мировому господству и приступает к подготовке Мировой революции и новой мировой войны, чтобы под прикрытием коммунистической идеологии завоевать

Европу. Прототипами главных героев романа стали реальные исторические лица, работавшие рука об руку со Сталиным, поддерживавшие его в борьбе за власть и организовывавшие в Европе тайные операции накануне Второй мировой войны.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виктор Суворов

Выбор

© Виктор Суворов, 1996, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011 – издание на русском языке, оформление.

* * *

Пролог

- Минуту на размышление не даю. Требую мгновенный ответ без размышлений: вопрос – тут же ответ.
- Хорошо.
- Даже не мгновенный – требую, чтобы вы отвечали на мой вопрос, не дослушав его до конца.
- Ясно.
- Вопрос будет не совсем обычным, но я должен услышать ответ еще до того, как успею вопрос полностью высказать.
- Понимаю.
- Мне нужен первый душевный порыв.
- Хорошо.
- Готовы отвечать?
- Готова.
- Итак, вы хотели бы стать королевой Испа...?
- Да, товарищ Сталин.

Глава 1

1

Лужи он больше не обходит. Незачем. Ветер давно унес шляпу, а дождь вымочил его до последней пуговицы, до последнего гвоздика в башмаках. Вымочил сквозь плащ и пиджак. Вымочил так, что носовой платок в кармане – и тот выжимать надо. Хлещет дождь, а он идет сквозь ветер и воду. Он идет всю ночь, весь день и снова ночь. Вымок он не только сверху вниз от макушки до пояса и ниже, но и снизу вверх – от подошв до пояса и выше. Обходи лужи, не обходи – без разницы. Он идет из темноты в темноту. Он идет, нахохлившись, голову – в воротник.

Отяжелел воротник. Водой пропитался. С воротника за пазуху – струйки тоненькие. Если шею к воротнику прижать, то не так холодно получается. Вот он шею и прижимает к воротнику, согревая и ее, и воротник.

Ветру показалось мало одной только шляпы, потому норовит он еще и плащ унести. Терзает ветер сразу со всех четырех сторон. Нездешний ветер. Скандинавский. С запахом снега. Потому холодно. Потому зубы стучали-стучали, да и перестали: скулы судорогой свело, не стучат больше зубы.

Дождь тоже не здешний, не берлинский. Длинные перезревшие капли с кристалликами внутри. Капли – не типа «бум-бум», а типа «ляп-ляп». По черным стеклам домов так и ляпают. А попав под ноги – шелестят капли, похрустывают.

И только пропитав ботинок и отогревшись слегка, в обыкновенную воду те капли превращаются и чавкают в ботинках, как в разношенных насосах: чвак-чвак. Тяжелые, набрякшие штанины облепили ноги. Вода со штанов ручейками – какой в ботинок, какой мимо. А из мрака на него – страшные глаза: «Рудольф Мессер – чародей».

И с другой стены, из темноты, смотрят на вымокшего те же глаза: «Рудольф Мессер – чародей». И с третьей. Со всех стен Берлина чародеевы глаза темноту сверлят. Афиши в три этажа. Дождь по тем афишам хлещет. Рвет ветер водяные потоки с крыш, дробит их и в глаза чародею бросает, но только глаза притягивающие в тусклом свете фонаря смотрят сквозь воду, пронизывая ее.

Вымокший остановился во мраке – струи по лицу, как по афише. Посмотрел себе под ноги, потом решился и глянул в чародеевы очи.

У-у, какие.

2

– Товарищ Холованов, что вам известно о человеке по имени Рудольф Мессер?

– Товарищ Сталин, это всемирно известный иллюзионист и гипнотизер.

– Это я знаю, а кроме меня это знает каждый. Я не желаю слышать от вас то, что знает каждый. Ваша работа – сообщать мне то, чего никто не знает, то, что даже мне неизвестно.

– У меня такие сведения есть.

– А кто он по национальности, этот самый Рудольф Мессер?

– Он объехал весь свет. В любой стране – свой, везде – дома, любой язык ему родной. Происхождения он темного. Последние месяцы живет в Берлине, но немцы его немцем не считают.

– Кем же его считают?

– Поляком.

– А поляки кем его считают?

– Русским, товарищ Сталин.

– В этом случае, кем же его считают русские?

– Чистокровным немцем.

3

У огромных афиш «Рудольф Мессер – чародей» кое-где углы оторваны. Люди рвали, и ветер с дождем. И по огромным афишам то там, то тут – небольшие совсем афишки глянцевые: на алом фоне то же лицо, те же магнитного блес-

ка глаза, только текст другой: «Рудольф Мессер – враг народа и фатерланда». А под портретом – цифра: единичка и много нулей.

Усмехнулся вымокший: дорого в гестапо людей ценят.

4

В Москве глухая ночь. В Москве тяжелый дождь. Дождь со снегом. Вернее – не дождь, не снег, а среднее между ними: толстопузые капли с кристалликами внутри. Казалось бы, если обычные капли лупят как в барабан, так эти, с кристаллами, и подавно должны дробь выколачивать. Так нет же – мягенько эдак по окну шлепают: шлеп-шлеп. Неестественных размеров капли, как мичуринские груши в учебнике ботаники для пятого класса.

Когда-то очень давно голодный, насквозь промокший Сталин уходил по воде, по лужам. Уходил в никуда. Скрипели, покачиваясь на ветру, редкие фонари. Он уходил в темноту, туда, где нет фонарей. По пятам неслись чужие тени, догоняли. И холодный дождь шлепал по Сталину. Не барабанил, а именно шлепал, потому что капли были с кристаллами. Тогда Сталин рвался, как волк, рвался из западни и мечтал вырваться, уйти от погони, а еще мечтал о теплом очаге, о сухих башмаках, о бутылке старого кавказского вина и хорошем остром шашлыке, чтобы рот горел. Тогда же мечтал он о холодном дожде со снегом, о пронизывающем

до костей ветре, только чтобы он, Сталин, при этом был под крышей у печки, а дождь чтобы ляпал по стеклам и ветер чтобы свистел соловьем-разбойником в трубе...

Сбылась мечта: никто больше за Сталиным не гоняется. Передушил Сталин всех, кто за ним когда-то гонялся, и всех, кто не гонялся, но мог бы гоняться. Свистит-ревет над Москвой ветер, из бездонной темноты валят валами тяжелые капли-снежинки, шлепают-ляпают в огромные черные кремлевские окна, злобствуют, а Сталина достать не могут. Не пробить им стен твердокаменных, не проломить стекол – тут такие стекла, что их и пулей бронебойной не прошибешь. Сви-сти же, ветер, в кремлевских трубах, злобствуй, как враг в расстрельной лефортовской одиночке!

Тихо и тепло у Сталина. Спит Москва. Сталин не спит. По углам кабинета мрак. Но теплый мрак. Добрый. Приветливый. На столе рабочем – лампа зеленая, и на маленьком столике журнальном – тоже лампа зеленая: два островка света в приветливом мраке. И ужин на двоих. По-холостячки. Бутылка вина с этикеткой домашней, самодельной. Название – одно слово химическим карандашом, грузинским узором. Шашлыки огненные: половина мяса, половина перца. А кроме перца в шашлыке еще много всего огнедышащего – ешь да слезы вытирай.

Разговор – лесным ручейком по камешкам. А камешки острые попадают.

– Вам еще налить, товарищ Холованов?

- Нет. Спасибо, товарищ Сталин.
- Тогда к делу. Как идет подготовка испанской группы?
- Без срывов. Девочки усваивают программу вполне удовлетворительно.
- Выбор тринадцатого?
- Так точно, товарищ Сталин.
- Думаете, сможем выбрать достойную?
- Их шесть, а нам нужна только одна. У каждой свои сильные и слабые стороны, но одну из шести выбрать можно.
- А если группу увеличить?
- Учебная точка – на шесть кандидатов... В испанской группе – шесть...
- Пусть будет шесть... И одна запасная. А?
- Как прикажете, товарищ Сталин.
- Не приказываю. Смотрите сами. Мне достойный кандидат нужен...
- Запасную в группу ввести можно, но девочки в освоении программы далеко ушли. Сумеет ли новенькая догнать остальных?
- Эта сумеет. Вы же ее знаете.

5

Спит Берлин. Под желтыми фонарями – островки света, а вокруг мгла: не пробивается свет сквозь туман и дождь. Уснул огромный прекрасный город. Утих. Светофор зеле-

ным светом открывает путь всем желающим двигаться вперед.

Но желающих нет.

Прекрасен зеленый огонек светофора в густом тумане. Туман свету другой оттенок дает, словами не выразимый. Грустно, что никому той красоты видеть не дано. Один он, продрогший-вымокший, ею любит. И совсем грустно оттого, что идти вымокшему надо, а идти некуда. Плохо ему оттого, что весь город огромный для него вдруг чужим стал. Плохо ему оттого, что за мокрыми стенами – сухие, теплые комнаты, и там, в комнатах, под сухими простынями спят сухие люди, уткнув носы в пуховые перины.

Плохо человеку, у которого нет теплой, сухой комнаты и перины.

А еще вымокший знал: за этим скрипящим фонарем, за этой обклеенной мокрыми афишами тумбой, за этим углом облупленного дома его ждет беда.

Беда, с которой ему не совладать.

Где-то далеко скрипит по рельсам загулявший трамвай. Вымокший втянул в себя воздух, задержал дыхание, выдохнул глубоко и решительно повернул за угол. Он всегда шел беде навстречу. Сам.

Луч карманного фонаря ударил в глаза.

– Стой!

И второй луч сквозь частые капли:

– Кто такой? Документ!

У своей правой ладони ощутил он сквозь холодные капли горячее дыхание пса и клыкастую липкую пасть. Пес не коснулся его ладони, и пса он не видел, но всем своим существом понял: рядом. Не глядя на зверя (да и все равно не разглядишь ничего в темноте, когда два фонаря в очи), он однозначно определил: ротвейлер, сука.

Подоспел и третий фонарик, маленький, но яркий, и тоже в очи уперся:

– Как на Мессера похож! Мес-сер! Это сам Мессер! Ру-у-уки на стену!

6

– И в заключение, товарищ Холованов... Вы мне обещали рассказать что-то интересное про Рудольфа Мессера, что-то такое, чего я пока еще не знаю.

– Агентура докладывает: за Мессером охотятся американцы.

Встал Сталин, подошел к окну и долго смотрел на капли с кристалликами.

– Какие американцы?

– Военная разведка.

– И не могут поймать?

– Не могут. Его никто не может поймать.

– Вы сказали: никто... Разве кроме американцев за ним еще кто-то охотится?

– Британская разведка. Кроме того, абвер, гестапо, криминальная полиция.

– Странные вещи творятся у нас, товарищ Холованов. Американская разведка охотится за Рудольфом Мессером, британская разведка охотится за Рудольфом Мессером. А почему сталинская разведка не охотится за Рудольфом Мессером?

7

Раньше тут был монастырь. Теперь – Институт Мировой революции. Распахнулись стальные ворота. Въехала длинная черная машина. Вышел Холованов. Буркнул что-то. По монастырю пронеслось: Дракон был в Кремле, вернулся в состоянии повышенной лютости. Что сейчас будет...

Бросил Холованов мокрый портфель на стол, струйки с плаща – на каменный пол. Ходит из угла в угол. Плащ не снимает. Смотрит под ноги:

– Ширманова ко мне.

Глава 2

1

Длинные капли дождя вдруг стали короче, белее, их очертания обозначились четко, они сбавили неумолимую скорость, прервали отвесный полет к земле, закружились вокруг фонарей, превратившись в неторопливые лохматые снежинки, и на славный город Берлин налетел-навалился густой снегопад.

А на левой руке чародея, иллюзиониста и гипнотизера щелкнул браслет. Щелкнул и на правой. Узорчатая снежинка упала на рукав. Его втокнули в узкий, обитый жестью коридор берлинского воронка, и снежинка исчезла там вместе с ним. Тут же ударом резиновой дубины в печень направление его движения было уточнено: в отсек! Руки в браслетиках – колечко. В это колечко пропихнули-пропустили цепь с замком. И этот замок тоже щелкнул. Цепь гремющая к мощной балке приварена, а балка в стальную стену врезана, ввинчена, намертво к ней присобачена. И пса посадили напротив: если гипнотизировать вздумаешь, так начинай с нашего псика.

Отсек-закуток не одной дверью запирается, а двумя. Пер-

вая – из стальных прутьев, прутья черной лаковой краской покрыты, но там, где руки арестанта, краска черная стерта, и предшествующий серый слой тоже стерт до самого металла, а металл отполирован до сверкания тысячами арестантских ладоней. Вторая дверь – стальной лист с окошечком. Решетчатая лязгнула за ним, а вторую, сплошную, с окошечком, они не закрывали, чтобы пес имел возможность арестанта всего созерцать, целиком. Чтобы лицо арестантское песым дыханием согревалось.

Чтобы контакт не терялся.

2

Воронок – на шесть персон, не считая охраны. Но везут одного. Остальные пять камер-загончиков пусты: ради такого арестанта подали персональный транспорт. А ведь все берлинские воронки сейчас заняты, все переполнены-перегружены, все работают на износ, планы перевыполняя. Самая работа: между четырьмя и шестью утра. Самый сон потенциальным арестантам. Самый момент брать! И берут. И набивают воронки до отказа. До упора. Они разные бывают, воронки, – с общей камерой и без, с одной общей и десятком персональных, есть вместимости ограниченной, а есть – безграничной, беспредельной. Ограниченной вместимости – для особо важных. Такой для него и подали. Вообще это во-все и не воронок, а полицейский автобус с вынесенным вроде

тарана двигателем-дизельюгой, с мощным буфером, с колесами самосвальными, с броневым козырьком на кабине водителя. Впереди – места для полиции, сиденья настоящей кожи, желтые, задняя же часть – для арестантов. Входить можно через заднюю броневую дверь с малым оконцем и решеткой прямо в арестантский коридорчик или через переднюю часть, полицейскую, где сиденья мягкие.

Полицейскому автобусу для такого случая – три машины сопровождения.

Взвыли сирены. Замигали, ослепляя, синие фонари на кабинах. Рванул весело воронок в ночную метель, прокладывая след по снежной целине. И машины охраны – за ним. Под снегом – вода, потому полетели из-под колес фонтаны черной жижи, комья водой пропитанного снега. Потому за машинами колея: белый снег, черный след.

3

Если большую толстую половую тряпку хорошо вымочить в ведре и вытащить, не выжимая, то с нее потечет вода. По током. Так и с чародея текло – как с большой половой тряпки. И по узкому коридору воронка, по полу отсека, по жесткой полированной холодной скамейке – вода. Грязная вода. И пар к потолку. Горячий пар собачьей пасти. Холодный пар его дыхания. Обильный пар промокшей одежды. Все оконца воронка мигом туманом занавесило, и тусклая лампоч-

ка под потолком утратила свои стеклянные очертания, обратившись желтым расплывчатым пятном.

До этого момента, до ареста, вода с него стекала, и одновременно его одежда пропитывалась-наполнялась новыми тяжелыми килограммами воды, теперь же наполнение прекратилось, вода только текла с него, но больше не рушилась на голову и плечи обильными струями. Холодный пар окутал пеленой. Он стал согреваться. Нет, не согреваться – не то слово: на улице ему было так холодно, что он перестал себя ощущать, теперь же в воронке он стал отходить, его понесло из одного состояния замерзания в другое, из замерзания бесчувственного в более безопасное, но более мерзкое состояние замерзания ощущаемого. Он ощутил себя – жалкого и мокрого. Судорога отступила, отпустила скулы. И зубы снова застучали-загремели.

Жестяные стены каморки-загончика все разом каплями покрылись от его испарения. И скамейка тоже. Скамейка, как и стены, как пол и потолок, жестью обита. Скамейка тоже отполирована до сверкания тысячами арестантских задниц. Скамейка узкая и низкая – ноги чуть не к подбородку, потому сразу затекают.

Только он этого не замечал. Он шел слишком долго, он устал. Потому арест принял как давно желанный отдых. Ему давно хотелось присесть и посидеть. Посидеть, отдохнуть. Ему давно хотелось пить, ему хотелось сухой рубахи и чистых носков, ему хотелось горячей воды и мыла, ему хоте-

лось бритвы, его душил голод. А еще ему хотелось спать. Черт с ним, с арестом! Даже хорошо, что арестовали! Каждый, кто ждал ареста, знает это чувство исцеляющего облегчения: все! свершилось! больше не надо бояться. Теперь можно спокойно спать.

Пока он не повалился на железную скамью, сознание его не сдавалось усталости, не признавало ее, а тут вдруг усталость навалилась холодным, лохматым, раненым в бок, вымокшим в ноябрьском болоте сибирским мамонтом и подмяла.

Потому ни взывшая сирена, ни собачий рык, ни рывок воронка в белую черноту уже не могли разбудить его. Голова лишь чуть отвалилась от жестяной стенки и тут же об нее и стукнулась, не нарушив безмятежного сна ее владельца.

Ему снилась метель, миллиарды огромных резных снежинок в черном небе. Он знал и во сне повторял, что самая большая измеренная и официально зарегистрированная снежинка имела в поперечнике 132 миллиметра – шире человеческой ладони. Во сне он рассматривал снежинки и сортировал их по десяти основным типам. По типам сортировать легко, но внутри своего типа все они разные. Именно так основную массу людей легко разделить на расы, но внутри расы двух одинаковых попробуйте отыскать... Он искал две одинаковые снежинки, зная, что все они разные, как отпечатки пальцев.

Он искал две одинаковые в твердой уверенности, что та-

ких не бывает.

4

Вы не пробовали будить чародея? Уставшего чародея. Вот и я не пробовал.

А берлинской полиции выпало. Это вовсе не просто. Чародей провалился в пучину сна. У него мозг не такой, как у нас с вами. Он живет рядом, но только в другом мире. И все у него наоборот, не как у нас, людей нормальных.

Он думает не так, на мир смотрит иначе, а уж спит, ясное дело, особым способом, набираясь магических сил и страстей.

Как его будить? Вылить на него ведро ледяной воды? Он и так водой пропитан. Бить палкой по плечам – не действует.

А бить его палкой по голове никто почему-то не решился.

5

Стены тюремные – полтора метра добротной кирпичной кладки. Хорошо раньше строили. Надежно. Пять тюремных коридоров – лучами от центра. Один надзиратель, не сходя с места, может видеть сразу все коридоры, все пять. И все четыре этажа. Каждый коридор – ущелье. Стеклопанельная крыша над ущельем (не беспокойтесь, стекло и снизу, и сверху

стальными сетями прикрыто), стеклянный же купол над центром, к которому коридоры сходятся. Двери камер – рядами, вдоль каждого ряда – галерея, над нею еще одна и еще. Так что сразу все двери видно. На всех галереях. На всех этажах. И считать хорошо: один ряд – 25 камер, над ними галерея и еще 25, еще галерея и еще. Справа сто камер в четыре яруса и слева сто. Один коридор – двести камер. Пять коридоров – тысяча.

Чисто в тюрьме. Тихо. Гулко. Особенно к утру гулко, когда уборщиков к рассвету по камерам разогнали, когда надсмотрщики притомились, когда ночная смена следователей дежурство сдала, когда вопли подсудимых попритихли. Полы – огромные красные и белые квадраты. Вырезаны аккуратно, до сверкания вымыты и натерты. И в уголках у плинтусов – ни пылинки, ни соринки, ни грязинки. Какой-то кайзер тюрьму выстроил, не то Фридрих, не то Вильгельм. Денег не пожалел. Рассудил по-немецки: дешевая работа дороже обходится – если положить по коридорам какой-нибудь дрянной пол, то потом его каждые сто лет менять придется. Так уж лучше раз положить, но чтоб навсегда. И повелел так пол мостить, чтоб никогда не стерся, чтоб никогда новый не настилать. Потому и положили плиты гранитные. Все кончится, истекут все времена, а пол тот останется, не истереть его и миллиону поколений германских зэков. Вымрут люди, как динозавры и мамонты, а тюрьма еще долго стоять будет, чтобы воцарившиеся после людей обе-

зьяны здесь, посреди развалин и выросшего на развалинах дремучего леса, устраивали бы свои сборища и водили по гранитным полам свои обезьяньи хороводы.

А пока тут обитают люди. Люди в черном. И люди в полосатом. Полосы по три пальца шириной: белые и серые. А на голове – шапочка элегантная, тоже полосатая. Очень даже красиво: огромные красные и белые плиты пола, хоть в шахматы играй, а по этим плитам скользят фигуры двух цветов, черные и полосатые. Если бы серые полосы с полосатой одежды убрать, то одежда стала бы белой, и полная аналогия получилась: пол в шашечку и фигуры двух цветов – черные и белые, двигай одних прямо, других – по диагонали, третьих – буквой «Г».

А если бы в тюрьме галереи обвить гирляндами цветов и в центре фонтан учредить, то очень бы она на огромный универсальный магазин походила, с лесенками, мостиками и переходами, без окон наружу, но со стеклянными крышами и куполом. «Если вы потеряли друг друга, встречайтесь в центре у большого фонтана». А если бы двери камер отпереть, если бы в камерах разместить маленькие магазинчики, если бы черных и полосатых переодеть в цветное...

Но не додумался никто двери камер отпереть и в центре фонтан устроить. Потому чародея волокли не мимо журчащего фонтана, а мимо будок надзирателей. Его тащили, как пойманного барса, на растяжках: кожаный ошейник и стальные тросики к одному надзирателю и к другому – если бро-

сится на одного, другой удержит.

А по коридорам, по караульным помещениям и подсобкам, по кабинетам и камерам, сквозь полутораметровые стены скользнула весть: Мессера поймали! И через десятиметровую внешнюю стену, через колючую проволоку, через ролики, провода и трансформаторы высокого напряжения, мимо караульных вышек и наблюдательных постов, мимо прожекторов, недремлющих псов и бдительных часовых скользнула весть в огромный спящий город, укрытый снежной периной: гестапо не дремлет, Мессера поймали!

6

Вторым делом в берлинских тюрьмах – санобработка. Чтобы вшей в тюрьму не занести.

А первым делом – бьют.

Чародея толкнули в большую высокую камеру без окон. Стены – белый кафель, как в операционной. А пол – цемент. Удобно – после процедуры включил напор и водой из шланга кровь смывай.

По углам четверо. С дубинами.

Но они не учли двух моментов.

Во-первых, чародей Рудольф Мессер, пока его везли, спал. Он спал совсем немного, но даже небольшой отдых частично восстановил его силы.

Во-вторых, тут не было собаки. Чародея толкнули в центр

камеры. Толкнули с умением, с годами отработанной точностью: двое из коридора толкают в дверь, третий внутри камеры подставляет ногу, и лети через ногу мордобойца прямо туда, где пол снижается к прикрытой решеткой яме. И четыре дубины взлетели над ним.

Но чародей успел в падении прикрыть лицо ладонью и крикнуть: «Не бейте меня!»

Крикнул чародей, чтобы не били.

И его не били.

Сел чародей на пол, потер ушибленный локоть, осмотрел искусанную собакой руку и приказал:

– Врача.

7

Побежали за врачом. Послали за дежурным надзиралой. Погнали машину за начальником тюрьмы.

Чародей сидел уже не на полу, а на кем-то принесенной табуретке и командовал:

– Позовите того, с собакой.

Позвали.

– Собаку убей. И возвращайся сюда.

– Есть!

Четверо с палками не скучали – чародей им приказал обработать того, который в воронке усердие проявил, чародея в печень двинул.

Четверо с палками уточнили: как бить?

Отвечал: как всегда новоприбывших обрабатываете.

Усомнились: так это же зверство!

Чародей успокоил: ничего, разрешаю...

И собаковод, прибежавшего с докладом о выполненном приказе, чародей на растерзание отдал тем четверым с дубьем, приказал собаководу обработать в соответствии с общепринятым стандартом: коротко, интенсивно, вкладывая душу.

Много отдал чародей приказов и, подчиняясь ему, был вскрыт следственный корпус, и в огромной тюремной кочегарке охранники метали в пламя тугие папки. Повинуясь приказу, главный надзиратель, гремя ключами, отпирал камеры, а внешняя охрана – тяжелые ворота. Правда, узники не спешили воспользоваться свободой. Так уж коммунисты устроены: если дали свободу, но не поступило приказа ею пользоваться – не пользуются. И коммунисты остались в своих камерах. Социал-демократы – тоже. Немецкая дисциплина не позволяет социал-демократу из гитлеровской тюрьмы бежать.

А вот урки берлинские себя просить не заставили, мигом сообразили, что Мессер берлинской полиции урок преподаст. Суть урока: не надо чародеев, гипнотизеров и фокусников в тюрьмы сажать, дороже обойдется. Преподавать же урок в лучшем виде можно, отперев камеры и ворота. Потому, как только скользнула по сонной тюрьме весть, что Мессера

поймали, урки встрепонулись, бросили карты, у дверей камер столпились в ожидании, когда ключи и двери загремят.

Ждать совсем недолго пришлось: замки щелкают, засовы-задвижки лязгают, двери гремят и каблуки арестантские стучат.

Разбегаясь, братва берлинская и общегерманская надзирателей не била и тюрьму спалить не норовила – скорее бы подошвы унести, кому знать, когда ворота захлопнутся. Потому – ухватить пальтишко в каптерке или шинель надзирателя, прикрыть на спине полосы тигриные и бегом в переулки, подвалы, притоны. До рассвета успеть. А там – ищи-свищи...

Но, пробегая мимо канцелярии, братва, звериным чутьем зная, что Мессер где-то рядом, орала ему благодарности и приветствия: «Чародей! Век не забудем! Чародей, если кого порезать надо, так только свистни!»

Глава 3

1

Профессия у него интересная и редкая: палач-кинематографист. Палачей на планете видимо-невидимо – как собак нерезаных. И кинематографистов столько же. А вот палачей-кинематографистов очень даже немного. И профессии вроде бы смежные, и встречаются часто палачи с кинематографическими наклонностями, как и кинематографисты с палаческими, но все же найти специалиста, который бы в равной мере сочетал в себе качества талантливого палача-новатора и одаренного кинематографиста, вовсе не так просто. Потому палачей-кинематографистов уважают и ценят. Их труд щедро оплачивают. Им оказывают почет и уважение.

В узких, понятно, кругах.

Ясное дело – его никто никогда не называл палачом-кинематографистом. Должность именуется – исполнитель. Более официально – исполнитель приговоров. А уж совсем официально – исполнитель приговоров, кинематографист. Через запятую.

А для своих – Вася.

Для тех, кто помоложе, – дядя Вася. Последние годы Вася все больше на вязании работал, потому чаще его называют Васей-вязателем. И работу кинематографиста не забывал, потому его еще Васей-киношником зовут.

Много дяде Васе-киношнику работы – по Москве аресты валом идут. Арест – не палаческое дело, не палачу-виртуозу таким недостойным делом заниматься.

Но нет выхода – Москву чистить надо. Потому палачей, которых пока расстреливать не надо, товарищ Сталин бросил на аресты палачей, которых надо именно в данный момент срочно расстрелять. Потому дядя Вася, палач-кинематографист, брошен на низменную, грязную, недостойную его высокого ранга работу, – на аресты.

А тут еще съезд партии.

2

В Москве – XVIII съезд ВКП(б), Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Партия – союз единомышленников. Съезд партии – форум лучших людей страны. Утро. Кремль. Гремят куранты. Лучшим людям страны – почет. Понятное дело – и безопасность им обеспечена. Без нее никак. Потому для общего блага, чтобы все вместе не взорвались от принесенного врагом заряда, каждого делегата индивидуально обыскивают, вежливо, но тщательно. Делегаты предупреждены: все оставить в гостинице, иметь в кармане

только партбилет.

Такие требования выполняются с энтузиазмом – правильно товарищ Сталин делает, не все ведь враги еще выкорчеваны, и среди делегатов съезда может один отыскаться... пронесет в зал авторучку, та ручка и грохнет – все лучшие люди страны разом взорвутся. Что тогда со страной будет? Поэтому – только партбилет. В партбилет, как ни крутись, заряд взрывчатки не вмонтируешь, а если и вмонтируешь, то не очень мощный.

В принципе, делегату съезда партии ничего в карманах иметь и не надо: кормят делегата сытно, поят обильно. Вечерами – концерты. Всё бесплатно. Всё без денег. Можно с пустыми карманами ходить. Как при коммунизме.

При входе в зал каждому делегату – чудесной работы блокнот для записей и авторучку. Где такую еще найдешь! Ручки дивные – красные и голубые, выбирай любую. И чернила всех цветов. Где такое увидеть можно, чтобы авторучка зеленым цветом писала! И перья любой толщины, любой мягкости. И названия авторучкам разные: «Москва», «Прогресс», «Пятилетка», «Индустриализация»; и фирмы-изготовители разные: «Завод имени Сталина», «Парижская коммуна», «Ф-ка им. Горького». Радует делегат: съезд завершится, а ручка в кармане останется. Всей Сибири на удивление. И блокнот тоже. И еще делегаты радуются: скоро весь советский народ такими ручками писать будет – производство уже налажено, только на всех пока не хватает.

Чудесным авторучкам – сразу применение: все о делегатах известно, но перед входом в зал заполни, делегат, анкету еще раз, чтобы мандатная комиссия подвела итоги и объявила в завершение съезда, сколько среди делегатов мужчин, сколько женщин, сколько рабочих, сколько крестьян, а сколько прослойки – трудовых интеллигентов. С гордостью объявит мандатная комиссия съезду, а потом всей стране, всему миру, сколько в числе делегатов участников Великой Октябрьской социалистической революции, а сколько – Гражданской войны, сколько орденосцев, сколько членов партии с дооктябрьским стажем, сколько – с послеоктябрьским...

В вестибюле – интересные знакомства, оживленные беседы. Нашла власть советская чабана за облаками. Чабан в халате. В таком виде и доставили. Тоже делегат. Никогда в жизни человек со своей горы не спускался. Никогда облаков снизу не видел, всегда на облака только сверху взирал. Вот такой и нужен. Нашла его власть наша родная, с горы спустила. По-русски он не понимает. Это не беда. В нашей многонациональной родине говори на любом языке. Кому надо, поймут. Делегат с горы – лучший из лучших, потому ему государственные проблемы решать. Руку надо поднимать. Вместе со всеми. Обступили чабана командиры Красной Армии, рассказ на непонятном языке слушают о том, как баранов выращивать.

В Большом Кремлёвском дворце песни гремят, туркменский товарищ в бубен бьет, девки-хлопкоробки в азиатских штанах азиатские же танцы вытанцовывают, в зале журналисты суетятся, блещут фотовспышки, журчат кинокамеры, успокаивают, баюкают...

Демократия полнейшая. С перебором. Выборы нового состава Центрального Комитета совершенно тайные. Каждому делегату – список кандидатов. Из списка можешь вычеркнуть любого. Мало того – вместо вычеркнутого можешь вписать любого, кто нравится. Кого хошь. Не просто можешь, но обязан вписать в список своего избранника. Если вычеркнешь одну фамилию, а вместо вычеркнутого никого не впишешь, то бумага эта считается недействительной: а то ведь всех можно повычеркивать, кто тогда страной будет править? Так что, вычеркивая одного, вписывай другого.

Молоденький чекист-выдвиженец из Тайшетлага, представляющий интересы сибирских большевиков, недоверчиво кабинки для голосования щупает: где фотоаппараты спрятаны? Если каждый будет вычеркивать кого вздумается и вписывать кого захочет, то куда же это мы пританцуем? Неужто товарищ Сталин не контролирует процесс выборов? Неужто не заботится о будущем составе Центрального Комитета? Неужто вожжи отпустил?

Ощупывает чекист кабинки, мол, добротно сделано, а сам удивляется: фотоаппаратов действительно нет. Некуда их всобачить, кабинки – реечки полированные да сатин красный, весь просвечивается, фотоаппарат вставить не умудишься. С другой стороны, прикрывает тот сатин зачеркивающего-пишущего...

Так что... Заходи в кабинку и вычеркивай кого хочешь... Вписывай... Чудеса, да и только...

4

У съезда партии есть видимая сторона, фасадная, так сказать, и невидимая сторона, организационная. Трудное это дело – съезд организовать. Сколько сделать надо! Каждую мелочь упомянуть! Те же авторучки. Где такие достать? Только на гнилом Западе. Людишек в Лондон погнали, те заказали что нужно. Буржуины, понятное дело, упираются-кочевряжатся, заказа понять не могут. Они ручки любого цвета, любой формы в любых количествах продать могут. Только им важно, чтобы на ручке было написано «Parker», а нам это как раз и не подходит, нам надо, чтобы на ручке «Заря Востока» значилось.

Упираются буржуины: у них производство налажено-настроено, на каждую ручку при изготовлении они свой штамп лепят, а перестройка производства дорого обойдется. Ничего, наши в ответ, за перестройку платим. Во что бы ни обо-

шлась. Снова упираются: мы выпускаем лучшие в мире ручки и не можем допустить, чтобы наш продукт под другой маркой был выпущен. А наши отвечают, что надо совсем немного, что из великой страны рабоче-крестьянской те ручки никогда не выйдут, что мы в области ширпотреба вам не конкуренты, все равно вашего «Паркера» у нас никогда не будет. Ладно, говорят буржуи, только это дорого обойдется...

Вот это другой разговор! Уж мы за ценой не постоим.

Но это не все. Получив те ручки, на каждую надо карточку завести, каждой номер присвоить, с каждой характеристики снять: заправлена зелеными чернилами, яркость чернил... толщина пера... микроскопические дефекты пера... и прочая и прочая. Потом ту ручку делегату вручат: зачеркни, товарищ дорогой, кого хочешь в списке. Можешь самого товарища Сталина зачеркнуть, если тебе товарищ Сталин не по нутру, а уж экспертиза установит, что зачеркнула великое имя ручка № 1241.

И чтобы не перепутать, строжайший учет организован, кому какую ручку дали (своей-то у делегата нет, об этом позаботились при обыске). Учет организован так: первым, допустим, регистрировался делегат Кружкин, вот тебе, товарищ Кружкин, ручка № 1. Кружину и в голову не придет, что у ручки номерок есть в общем каталоге. Оно и хорошо, что в голову делегату такие мысли не приходят. И камера фиксирует, кому какую ручку дали. Радостно эдак камера стре-

кочет, и оператор радостный. И посланец народа горд – вот его для истории запечатлели, в момент регистрации делегатов исторического съезда.

Понятно, в кадрах кинохроники трудно будет различить детали, и все же не зря закупили ручки семи разных форм. Потом кадры хроники и каталоги ручек сопоставят, чтобы путаницы не произошло. И любые детали, любые подробности пригодятся...

Но делегаты могут ручками поменяться! Один любит чудо-ручкой и другой любит. Давай, первый говорит, махнемся!

Что будет, если делегаты, не понимая великого смысла, ручками поменяются? Не бойтесь. Предусмотрено. Кинокамеры не дремлют, фиксируют. И много среди делегатов скользит темного народа, тоже якобы делегаты, но поди ж ты разберись, кто делегат, а кто нет. И там, куда кинокамера своим зорким глазом не заглядывает, в женский туалет, к примеру, там девушка-узбечка, хлопкоробка, в азиатских штанах у огромного зеркала переплетает сто десять своих косичек...

И все видит.

Ей же не зря столько косичек придумали. И зеркало во всю стену – тоже не зря.

Но в конце концов и это не главное. Графологическая экспертиза – вот козырь. Зачеркни, товарищ, любого делегата в списке. И любого впиши. Не важно, кого впишешь, хоть

самого Троцкого, важно – своей рукой. Впиши кого хочешь, тем самым автограф свой оставь, а уж ребята из Института Мировой революции тебя вычислят. Образцы почерка каждого собраны давно, да еще при регистрации каждый собственноручно анкету заполнял якобы для мандатной комиссии. Ребятам Холованова остается только почерк, которым ты мерзкое имя в список внес, сравнить с почерком твоей анкеты. А уж графологи свое дело крепко знают. Не ошибутся.

Вычисление зачеркнувших идет независимо сразу по многим линиям: эксперты по ручкам свое заключение дают, эксперты по почерку – свое, есть и другие эксперты... Каждая группа работает независимо от других. Потом результаты будут сопоставлены, если вскроются расхождения, работа будет продолжена. Есть методы...

И не надо думать, что вычисляют только тех, кто имя товарища Сталина зачеркнул. Вовсе нет. Всех вычисляют. Вот кто-то зачеркнул фамилию нового главы НКВД товарища Берии. Кто же на такое решился? А решился не кто иной, как любимец Лаврентия Павловича Берии директор Норильского металлургического комбината НКВД СССР товарищ Завенягин. Вай, как интересно. Вместе – друзья-товарищи, водой не разольешь, а как до тайного голосования доходит...

Товарищ Сталин аж подпрыгнул, такое услышав. Главное теперь, чтобы товарищ Берия случаем не пронюхал, какой у него любимец. Пусть товарищами остаются. А Завенягину характеристика: старый чекист Завенягин все чистки про-

шел, все контроли, и вот тебе на – в демократию поверил, бдительность потерял, правом вычеркивать решил воспользоваться... Бывают же дураки на свете! Таких беречь надо. И на нужные посты расставлять.

А может, шаг такой вовсе не глупостью продиктован? Что это? Отчаяние? Предсмертный протест? Расчет? Расчет на что?

5

А что делать, если делегат съезда, воспользовавшись правом тайного голосования, вычеркнул великое имя из списка, но другого не вписал, автографа своего не оставил? Нельзя же одну черту автографом считать, и эксперты по почерку не помогут. Полагаться только на выводы тех, кто микродефекты ручки будет искать?

Нет, товарищи. Экспертиз несколько. И самая главная (куда от нее уйдешь?) – экспертиза пальчиков. Список кандидатов – на чудесной бумаге. Бумага из Швеции доставлена. Да не простая бумага – среди сотен сортов хорошей бумаги выбрали такую, на которой лучше всего пальчики пропечатываются. Как на стеклышке.

Но ведь в типографии, когда списки печатали... Вот как раз нет. В особой ведь типографии списки печатали. Печатали с понятием. И в Кремль доставляли с понятием. И раскладывали по столам, опять же, с осторожностью. Так что на

момент выдачи списка делегату никаких отпечатков на листе не было. Теоретически на списке могут оказаться только пальчики товарища делегата — получил список, вычеркнул одного, вписал другого и в урну бросай. В чужие руки тот лист не попадет. И тут перед урнами избирательными соответствующие товарищи зорко смотрят за порядком. Главное, чтобы чужая рука листочек не лапнула.

Ну а девушка смешливая с парашютным значком, которая делегатам листы раздает, — ее пальчики тоже останутся? Этот момент учтен. Объясняю: во-первых, девушка — своя. Если бы ее пальчики и отпечатались, то разобраться легко: вот ее пальчики, а вот твои, товарищ делегат. Но не оставляет девушка отпечатков. Подушечки ее розовых пальчиков прозрачным лаком «S-4» покрыты. Из Франции лак доставлен. Работает она без перчаток, а отпечатков не оставляет.

Так что если какому-нибудь выдвиженцу-выскочке ударит в голову хмель полудетского озорства, если черкнет по великому имени, автографа не оставив, то все равно никуда ему не деться: до своей Сибири не доедет. Туда шифровку шарахнут: мол, как быстрорастиущий, как делегат съезда, получил ваш боевой товарищ новое назначение на секретную работу, с намеком, вроде в шпионы.

Но попадет он не в шпионы, а в другое место. Жизненный поток понесет его совсем в другую сторону.

И вряд ли тот поток правильно называть жизненным.

Дядя Вася-вязатель, он же – Вася-киношник, знай себе ручку камеры крутит, делегатов радостных снимает. Голо-суйте, дорогие товарищи, зачеркивайте кого нравится, впи-сывайте кого хочется... Много вас таких было. На предше-ствующих съездах. Дядя Вася вот так же всех вас и снимал, уважаемые. К примеру, на прошлом XVII съезде. Делегаты тогда, как и сейчас, тоже прикидывались честными гражда-нами. Надо признаться, со стороны так и казалось.

Представлялось, что все они (или в большинстве своем) – наши родные советские люди... А что оказалось? Оказа-лось, что почти поголовно съезд предыдущий был враже-ским, шпионским, предательским и вредительским. Больше половины делегатов вскоре перестрелять пришлось. Мно-гих, ох многих дядя Вася потом повторно снимал. Но уже индивидуально. В камере смертников.

Интересно хронику старую крутить: вот голову гнут деле-гатскую, вот делегат сапог палача лижет, вот он, гад, кричит, что товарища Сталина страсть как любит, что жизнь готов отдать... Ну и отдай. В чем проблема? Сапог-то зачем слю-нявить?

Ах, как товарищ Сталин такие кадры смотреть любит.

По многу раз без перерыва. А потом заказывает тех же врагов показывать не в расстрельном коридорчике, а на съез-

де: вот они – гордые, пузатые, надутые, в орденах, вот они в президиуме восседают, вот с трибуны речи кричат. Сейчас-то сразу видно: вон тот, орденастый, ну конечно же, враг, вон какая у него улыбочка сладенькая. Но тогда, на прошлом съезде (дядя Вася честно себе в этом признается), его подозрение падало на отдельных типов, но никак не на большинство. Смотрит Вася кадры старые, своей наивности дивится: ну как же вон того усатого не распознал – глаза-то, глаза у него вражеские. А усищи какие распустил! Ну ведь видно же! А разве вон у того на морде не написано, что шпион? Даже не маскируется! Ишь, прищурился. Смотришь кадры старые – дрожь по телу: товарищ Сталин один, а вокруг него враги стаями так и выются, так и мечутся. И по глазкам их плутовским видно: заговоры плетут, планы вынашивают!

А потом на том съезде предыдущем выборы были. Точно как сейчас. Кого же враги выбрать могли? Понятное дело, врагов и выбрали, шпионов выбрали англо-японских и польско-турецких, вредителей выбрали. Весь почти Центральный Комитет шпионским оказался. Дядя Вася как сейчас помнит: всего выбрали на том съезде 71-го члена ЦК и 68 кандидатов. Должен дядя Вася всех их помнить. Потому как клиенты. Или потенциальные клиенты. Совсем немного времени прошло, а из тех членов и кандидатов уже 111 арестованы. И редко кто еще цел. У товарища Сталина чутье на врагов. Он их насквозь видит.

Чувствует дядя Вася, что из того состава ЦК скоро 112-

го брать будут. Завенягина Авраамия Павловича, директора Норильского металлургического комбината НКВД. Все к тому клонится. При Ягоде великими стройками коммунизма руководил? Руководил. При Ежове возводил? Возводил. Значит, в расстрельный подвальчик пора. И 113-го из того состава время пришло брать. Ежова Николая Ивановича. Так вырисовывается: член Центрального Комитета, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро, Народный комиссар водного транспорта и бывший Народный комиссар внутренних дел, — а его даже делегатом нового съезда не выдвинули. Значит, скоро...

7

И не нужно думать, что вот, мол, в Берлине дождь со снегом, а в Москве вроде уж ни дождя, ни снега. Нет, товарищи дорогие, и в Москве дождь, и тоже со снегом. Похлеще берлинского. А еще некоторые думают, что вот, мол, в Берлине аресты, а в Москве никаких арестов, что вот по Берлину воронки шастают, а по Москве вроде и нет.

Ошибаетесь, милейшие, и по Москве шастают. Очень даже интенсивно. Любой Берлин позавидует.

В Москве — аресты косяком. Аресты повальные. Массовочка. Кончается власть товарища Ежова. Нет ему больше почета. Нет ему любви всенародной. Близок конец. Только ему одному еще не верится, что близок. Его пока не берут. А

вот его команду теснят-ущемляют. И берут его ребят без шума. Арестовывают тех, кто арестовывал, расстреливают тех, кто расстреливал.

Есть, правда, дела и более важные...

Глава 4

1

Заместитель директора Института Мировой революции товарищ Холованов после совещания с Самым Главным, получив ценнейшие указания, вернулся в состоянии видимого раздражения и первым делом (как все и предполагали) потребовал к себе на доклад начальника особой группы контроля товарища Ширманова.

– Товарищ Ширманов, как идет подготовка немецкой группы?

– Порядок.

– Французской?

– Без срывов.

– Испанской?

– Все нормально.

– Не ввести ли нам в испанскую группу запасную девочку?

– Учебная точка рассчитана на шесть человек...

– Ничего. Пусть будет шесть и одна запасная.

– Сумеет ли новенькая догнать остальных, сумеет ли усвоить все то, что девочки уже усвоили?

– Эта сумеет.

– Хорошо, завтра оформим.

– Теперь о главном. Товарищ Ширманов, что вам известно о человеке по имени Рудольф Мессер?

Командир спецгруппы Ширманов отметил в вопросе Холованова официальные нотки и потому отвечал, вставляя в обращение слово «товарищ»:

– Товарищ Холованов, Рудольф Мессер – всемирно известный иллюзионист и фокусник.

– Вы мне, товарищ Ширманов, не рассказывайте то, что знают все.

– Нам известно, что за ним охотится британская военная разведка, американцы, несколько немецких организаций: абвер, гестапо...

– А не кажется ли вам, товарищ Ширманов, что тут у нас, в Институте Мировой революции, творятся странные вещи? Гитлеровская разведка охотится за Мессером, британская охотится, американская охотится, а почему сталинская разведка за Рудольфом Мессером не охотится?

Скрипнул Ширманов зубами.

2

Есть два способа ставить задачу подчиненным. Первый способ – ефрейтор передает солдатам приказ вышестоящего: старшина приказал красить забор! В этом случае ефрейтор как бы отстраняется от процесса принятия решения и поста-

новки задачи. В этом случае ефрейтор как бы сам ставит себя на один уровень со своими подчиненными: я человек маленький, мне приказали, а я вам передаю, то есть и вы, и я, — исполнители чужой воли.

Второй способ — любой приказ, спущенный с головокружительных высот, превращать в свой собственный, отдавать его от собственного имени, не ссылаясь на вышестоящие инстанции и их волю: будете, падлы, забор красить! Я так хочу! Я так приказал! Я так повелел! Такова моя воля!

Не мне обсуждать плюсы и минусы этих методов, скажу только, что личный пилот и телохранитель товарища Сталина, заместитель директора Института Мировой революции Холованов Александр Иванович, агентурный псевдоним Дракон, действовал всегда только вторым способом. Холованов-Дракон не говорил, что товарищ Сталин приказал поймать Мессера, вовсе нет, — сталинскую волю Холованов превращал в свою собственную и действовал только от своего имени: мне нужен Рудольф Мессер! Подать чародея! Где Рудольф Мессер?! Поймать и доложить!

И даже не так. Ставить задачу типа «поймать и доложить» умеет каждый. Подчиненный на это через полгода ответит: доставить не удалось, так как не смогли поймать, а не смогли поймать, так как не смогли найти, а не смогли найти, ибо...

Потому приказ надо отдавать не только от своего собственного имени (больше уважать будут и подчиненные, и начальники), но и в форме вопроса. Одно дело: приказываю

выкрасить забор! Другое – а разве забор еще не выкрашен?

В первом случае подчиненные будут выполнять (если будут) только то, что приказано. Во втором случае им предоставлена широчайшая инициатива действий – сами все делать обязаны. Сами себе работу должны находить. Командир только от случая к случаю интересуется: а разве оружие еще не вычищено? А разве траншея не вырыта? А разве город еще не захвачен? Кто персонально в этом виноват?..

В первом случае командир вынужден обо всем думать сам, все помнить, все учитывать, обо всем подчиненным напоминать. Во втором случае он заставляет своих подчиненных обо всем думать, все помнить, все делать без напоминаний, своими вопросами-приказами командир только доворачивает их рвение в нужное ему направление.

О Рудольфе Мессере Холованов никогда не разговаривал со своими подчиненными и задачу на его поимку не ставил. Даже в форме вопроса. Ничего страшного. Сами думать должны. Сами должны инициативу проявлять, испрашивать разрешение на поимку и докладывать об исполнении.

Холованов сел, а начальник особой группы вытянулся перед ним. Ситуация: никто из подчиненных Холованова задачу на поимку Рудольфа Мессера сам себе поставить не догадался, потому Холованов теперь был вынужден такую задачу ставить. И он ее поставил в своей обычной форме короткого напористого допроса. В каждом вопросе – не выраженное явно, но вполне отчетливое обвинение в измене Родине

и великому делу Мировой революции:

– А разве вы еще не поймали Рудольфа Мессера? Удивительно. А разве Рудольф Мессер не сидит у нас в подвале? Странно. Разве вы не можете вот сейчас его разбудить и пригнать в мой кабинет? Это более чем странно. А кто, товарищ Ширманов, виноват? Вы лично не виноваты! Ну конечно, вы не виноваты! А кто же виноват? Может, я виноват? А? Я виноват? Ах, и я не виноват! И на том спасибо. Кто же тогда? Кому из своих подчиненных вы поставили задачу на поиск и поимку Мессера? Ах, вы никому такую задачу не ставили... Так и запишем. А чем, собственно, вы занимаетесь в своей группе? И не кажется ли вам...

Страшные слова о вредительстве не были еще произнесены, но на кончике Драконова языка они уже вертелись, как чертенята у сковородки с грешниками, приплясывая.

3

Есть еще один командирский секрет. Умный командир гнет линию по одному параметру – указывает подчиненным, ЧТО надо делать. Но не указывает, КАК.

Если командир начинает указывать, как надо делать, то указаниями своими сковывает инициативу подчиненных и берет на себя ненужную ответственность за последствия. Про то, КАК надо делать, пусть думают сами подчиненные. Путь у них головы болят. Если командир не указал способов

выполнения задачи, то в случае неудачи он окажется прав: да, я приказывал это делать, только надо было действовать иначе, с умом.

– В общем так, Ширманов, расстрелять тебя немедленно мне врожденная доброта мешает. Понял? Даю тебе последнюю возможность. Бери любые средства, любую агентуру, все дам, но Мессера мне достань. Из-под земли достань. Понял? Если его какая-то разведка утащила, так ты из звериной пасти его вырви и мне сюда поставь, на этот вот коверчик. Понял?

Ширманов прохрипел невнятно. И тогда Холованов вопрос повторил:

– Спрашиваю, понял?

– Понял.

– Неделя на поиск. Неделя на похищение. Неделя на доставку. Через три недели Рудольф Мессер должен быть тут. Если через три недели он не появится в Москве, ты кончен. Может быть, он сам чудом тут объявится, тогда ты спасен. А сейчас поднимай свою группу. Работай. Каждый день – на мой стол отчет о проделанной работе. Понял?

– Понял.

– Удивляюсь своей доброте: даю тебе три недели на спасение твоей же шкуры. На черта она мне нужна, твоя шкура? Иди и спасай ее. Надейся только на себя и на чудо. И помни слова товарища Сталина: чудес не бывает.

4

Чародей сидел уже не на табуретке, а в кресле начальника тюрьмы, слышал грохот арестантских подков и благодарственные вопли, блаженно улыбался, отдавая короткие распоряжения:

– Гиммлеру про меня не докладывайте.

– Слушаюсь, не докладывать.

– Нет, нет. Я не приказываю. Просто вам не следует торопиться – доложите, что поймали меня, а потом конфуз выйдет. А я тут, как сами понимаете, не задержусь, поем, обсушусь и уйду. Где, кстати, мой обед?

5

Бани в тюрьмах Берлина уж больно хороши. Чистота ослепительная, свет мягкий, воздух свежий, жар отменный. Сначала – мощный душ, потом чародея размяли-расправили, еще раз в душ поставили, после того – сухая парилка огнедышащая. С пивом. Пиво в маленьких зеленых бутылочках, бутылочки в бадье деревянной, во льду. Много бутылочек.

Чтобы меня превратно не истолковали, оговорюсь: баня такая – не для всех. И даже не для всех надзирателей. Баня для вышестоящего руководства – для начальника тюрьмы и

тех, кто его проверять уполномочен. Баня вклеплена между внешней стеной и кочегаркой. За внешней стеной – не улица берлинская, а еще одна тюрьма. Женская. Они как бы две разные тюрьмы, но под единой администрацией, с общими на две тюрьмы хозяйственными службами, чтобы две прачечные не держать или два рентген-кабинета. Потому тут, в районе командирской бани, втертой меж других строений, две тюрьмы как бы в единое целое сливаются.

Вот туда наш чародей и попал. Его почему-то быстро из разряда арестантов перевели в разряд проверяющих. Порядок в Берлине установлен крепкий – проверяющие могут нагрянуть в любое время дня и ночи. Потому в любое время дня и ночи баня та – не то чтобы спрятанная, но в официальный перечень тюремных помещений не вписанная – находится в десятиминутной готовности к приему любой комиссии. Только ворота растворяются, только машины комиссии в тюремный двор вкатываются, а тут в бане уже пары быстренько поднимают до соответствующих высот. И аттракционов в бане подготовлено на любой вкус в изобилии. И много в той бане разнообразных удовольствий вкусить дозволяется...

Банщик тюремный, доложу я вам, – особая порода рода человеческого. Как попадают в банщики тюремные, мне знать не дано. Знал бы как, сам бы банщиком бутырским заделался. Но не знаю, потому низменным трудом сочинителя перебиваюсь.

Так вот: даже немецкие тюремные банщики, и те чародея уважали.

– Отчего же его не застрелят?

– Так ведь пули мимо него летят.

– Кто же главнее – папа наш, начальник административно-хозяйственной части, или чародей какой-то?

– Сдается мне, чародей главнее. Может такое быть, что он главнее и самого начальника тюрьмы.

Присвистнули: если так, то его по полной программе развлекать надлежит, с девками-затейницами.

Но чародей спешил. Ограничился пивом. И пил немного. Только для утоления жажды. И повторял про себя: «Не уснуть! Не уснуть! Не уснуть!»

Он знал, что во сне беззащитен. За двое суток ему удалось поспать всего немного, в воронке. Огромные дюжие банщики трут его мочалками, косточки правят, а в голове чародейской звон. Хочется чародею послать все к черту и закрыть глаза всего на мгновение и так их держать закрытыми. Со всем недолго. Всего минуту.

От ванны чародей отказался. Ванна расслабляет. Душ бодрит. Потому – душ, душ, душ.

Щеки его распаренные брил тюремный цирюльник. Из коммунистов. Из тех, кому бежать в метельную ночь, в неизвестную тревожную свободу из теплой тюремной бани никак не пожелалось. Коммунисту чародей повелел: с бритвой осторожнее. И коммунист слушался. Легко другим приказыв-

вать. А как отдать самому себе такой приказ, чтобы подчиниться? И команда такая простая: «Не спать!»

И так трудно эту команду выполнить.

6

Берия Лаврентий Павлович, новый глава НКВД, приказал перекрыть коридор сейфами. Из кубиков-сейфов стальную стеночку в коридоре сложили-возвели-соорудили: две амбразуры для стрельбы и узкий проход между сейфами – только одному пролезть-пропихнуться. А пропихнувшись, упруешься в другую стеночку из таких же сейфов, в еще одну узенькую амбразуру упруешься, в ствол пулеметный. Проходы в стальных стенках друг против друга не приходится, потому, протиснувшись (если позволят) в одну щель, поворачивай в малый лабиринт, а уж потом протискивайся в другую щель.

Охрана с пулеметом ДП – в коридоре перед стенкой, еще охрана с собакой в лабиринтике меж двух стенок, и еще охрана за второй стенкой. Окна коридоров и начальственных кабинетов деревянными щитами изнутри заколочены.

Три резона тому: во-первых, невозможно прицельно в окна стрелять, во-вторых, граната в окно не влетит, а в третьих, при внешнем взрыве осколки стекла по кабинетам и коридорам не полетят, не поразят обитателей коридорных и кабинетных.

Щиты на окнах из свежих досок сколочены. Сквозь щелочки – лучики солнечные. Но основной поток света щиты сдерживают. Потому лампочки Ильича, изготовленные в Швеции фирмой «Эриксон», в коридорах и в кабинетах не гаснут.

От щитов сосновых – пьянящий запах смолы, запах зимней тайги, запах лесоповала, запах Амурлага.

Вход в кабинет товарища Берии – только по вызову. Любого обыщут в коридоре до самой последней нитки. Так вызываемых и предупредили: лишнего не иметь. Придет время, и товарищ Берия будет в Москве в открытом лимузине разъезжать, демонстрируя врагам, что не боится никого. Но не пришло пока то время. Сейчас авгиевы конюшни НКВД почистить надо. А народ в НКВД нервный и вооруженный. Потому коридор перекрыт. Потому в решето превратят любого, кто без приглашения в коридор начальственный нос сунет. Не подступиться врагам.

И отравить нового шефа никому не выгорит: прямо с Кавказа прибыл и на запасных путях Курского вокзала замер личный поезд товарища Берии, с надежной охраной, с поварями, с запасом продовольствия, со всем необходимым для работы и отдыха.

Но нет времени на отдых, нет времени на пьянку. Работает товарищ Берия. Потому готовят ему в поезде и на машине под конвоем обеда-ужины на Лубянку доставляют. Суп в кастрюльке как из Парижа: откроют крышку – аромат, подоб-

ного которому нельзя отыскать в природе. Лубянским-то поварам какое доверие? Лубянские – пока еще ежовского выбора. Всех менять надо.

И утехами некогда товарищу Берии себя улаждать. Женщины из его обслуживания в безделье погрязли, в вагоне запертые. Не до них. Чтобы со скуки не умерли, товарищ Берия приказал им ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» изучать. Занят Лаврентий Павлович. Никаких утех, никакой пьянки, никаких женщин. На Лубянку с собой только трех взял – обед подать, нарзану налить, тарелки убрать.

7

Николай Иванович Ежов двинул левой рукой. Стакан скользнул, на мгновение завис на краю стола и грохнулся об пол. По звуку – вдребезги. Интересно, пустой был или?.. Обратил Николай Иванович свой взор на стол, и сознание его зафиксировало факт: пустой. Правой рукой ощупал стол перед собою – другой стакан нужен. Другого под рукой не оказалось, не прощупалось. Мелькнуло: можно из горла... Скривился от такой мысли пакостной: не таков Николай Иванович Ежов, чтобы из горла лакать! И вообще! Мы еще посмотрим! Посмотрим, чья возьмет! Рванул воротник, чтоб не душил. Звезды маршальские на петлицах пощупал. Сначала на левой петлице, потом на правой...

Николай Иванович Ежов был главой народного комисса-

риата внутренних дел – НКВД. Потом товарищ Сталин по совместительству ему еще работу подбросил – руководить народным комиссариатом водного транспорта – НКВТ. Потом с НКВД товарища Ежова турнули, остался он только в НКВТ. Но звание – Генеральный комиссар государственной безопасности – осталось. Не сняли с него звания. Так он и ходит по наркомату водного транспорта в форме Генерального комиссара с маршалскими звездами. И деньги ему, как у нас принято, платят отдельно за занимаемую должность водного наркома, а кроме того за звание Генерального комиссара, хотя к делам НКВД он последнее время отношения не имеет.

Глава 5

1

Приказ: высшему командному составу НКВД личное оружие сдать. До особого распоряжения.

Но не помогает приказ.

Оружие личное сдали, но у каждого чекиста высшего набора дополнительно кое-что припасено. Сколько врагов за двадцать лет каждый настрелял, и при каждом расстреле, при каждой конфискации удивительные вещички попадались. Для коллекции. И револьверы, и пистолеты в том числе.

И еще у каждого чекиста почетного оружия припрятано: «Доблестному бойцу против гидры контрреволюции... От Председателя РВС». За Ярославль. За Муром. За Тамбов. За Батайск. За крымский расстрел. За ростовский. От товарища Троцкого. От Тухачевского. От Антонова-Овсеенко. От Бухарина. От Зиновьева. Кто это оружие учитывал? Так и лежит в сундуке. И пусть лежит. Только ориентироваться надо – дарственные таблички сдирать в тот самый момент, как даритель свою вражескую сущность проявил...

По мере выявления и истребления врагов сдирали това-

рищи чекисты серебряные таблички с дареных пистолетов. И вот пришла пора – сами в ту же вражью стаю вписаны. Едет поутру большой чекистский начальник на Лубянку. Едет и не знает, вернется ли к жене-красавице, к детишкам малым. Едет работать. Да только может он так там на работе и остаться. И выражение такое пошло: сгорел на работе.

А Лубянка вроде для такого разворота событий и придумана: тут тебе и кабинеты начальственные, тут тебе и камеры пыточные, тут тебе и подвал расстрельный. Из кабинета – в подвальчик. Чтобы ножки не натрудить – лифт устроен. Вызывает товарищ Берия начальников-ежовцев на беседу. А с беседы не все в кабинеты возвращаются. Вместо них новыми людьми Лубянка восполняется. Новыми начальниками. Бериевцами.

Так что пришла пора ежовцам дареным оружием пользоваться. И пользуются: стреляются в кабинетах. Стреляются на дачах. Стреляются на квартирах.

Еще мода пошла в окошки прыгать. Прямо на Лубянскую площадь. Под ноги рабочим и крестьянам. Хоть сети цирковые под окнами натягивай и лови.

Пошла мода среди чекистов ежовского разлива на работу приходить и окошки чуть приоткрывать. Вроде для вентиляции. И модно среди них весь день рабочий все больше по верхним этажам ошиваться.

Это нехорошо. С этим бороться надо. Потому не только аресты на Лубянке, но и награждения. Достал товарищ Бе-

рия коробочку со значком «Почетный чекист», перед собой положил. И посыльному: товарища Аказиса вызывайте.

2

Все предусмотрели, все учли. Товарища Аказиса утром на входе обыскали: мол, выполняешь ли приказ личного оружия с собой не носить? Установили: приказ выполняет товарищ Аказис, оружия не носит. А до того, ночью, в кабинете товарища Аказиса – негласный обыск. Даже и сейфы вскрыли. Нет оружия. После того – вызов. Но перед самым вызовом к товарищу Аказису заглянула в кабинет секретарша. По пустяку. Удостоверилась: окна закрыты. И посыльный проинструктирован: если к окну бросится – не позволить окно открыть. Еще проинструктировали посыльного дополнительно: вызывая товарища Аказиса в кабинет товарища Берии, улыбочку корчи послаще! Потому как не на расстрел товарища Аказиса вызывают, а для получения награды.

Все предусмотрели. Но переиграл посыльный – слишком сладенько товарищу Аказису улыбался. Но товарищ Аказис окно не открывал. У него все заранее рассчитано было. Только раскрылась дверь, только сверкнула зубастая улыбка посыльного, товарищ Аказис рванулся к окну. Не тратя времени попусту, не разбазаривая драгоценные мгновения на открывание, пошел ледоколом сквозь стекло. Сквозь двойное. Ломая его в хрустящие кусья, раздирая сверкающую брыз-

жущую преграду пальцами, ладонями, локтями, грудью, лицом...

3

Закрыв товарищ Берия коробочку со знаком «Почетный чекист». В ящик стола сунул. Следующему пригодится. Если в окно не выпрыгнет. А товарища Аказиса жалко. Лаврентий Павлович Берия жалостливым был. Хороших работников ценил. И жалел. Аказису большое будущее готовил. Из всех центровых ежовцев одного Аказиса товарищ Берия планировал оставить живым. И возвысить. Наверное, забыл товарищ Аказис, что сегодня ровно двадцать лет его работы в органах. Наверное, не ждал в такой день награждения и повышения.

А может, и вправду уругвайским шпионом был, как о нем болтали?

Если совесть чиста, пошто в окно ринулся?

4

Лист чудесной бумаги. Хрустит как денежка. Просвечивается. В правом верхнем углу – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Чуть ниже – список тех, кого партия считает достойными войти в новый состав ее Центрального Комите-

та. Стопку листочков Холованов отложил в сторону, а этот перед собой оставил – при тайном голосовании на этом листе кто-то из списка вычеркнул нового главу НКВД товарища Берию.

Экспертиза установила: вычеркнуто ручкой номер 413. Эта ручка выдана делегату съезда Завенягину А.П.

Независимая графологическая экспертиза дала свое заключение: Завенягин.

Дактилоскопическая: Завенягин.

Наружное наблюдение: Завенягин.

Экспертиза № 7: Завенягин.

Личное дело Завенягина Холованов кладет на сталинский стол. Товарищ Сталин все знает про товарища Завенягина. Но дело листает еще раз.

...Завенягин Авраамий Павлович, родился 14 апреля 1901 года... Член партии с 16 лет... Возглавлял уездный комитет... окружной... политотдел дивизии... Давил мятежи... Проявил себя... Брошен на промышленность... В 30 лет директор Магнитки – Магнитогорского металлургического комбината. Руководил энергично. Проявил большевистскую твердость и решительность. Пощады не знал. В подчинении имел 35 тысяч заключенных, 12 тысяч охраны и вольных. Строил Магнитогорск при любом морозе. При сорока и ниже. На строительстве Магнитки погубил 27 тысяч заключенных... По мере расхода рабочей силы получал новую... Строительство завершил досрочно... На предыду-

щем XVII съезде партии нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе воспевал трудовой подвиг строителей: «Магнитку ведут товарищи Завенягин и Клишевич – два наших молодых инженера и вместе с ними вся молодежь, которая там работает. Они ведут и вели Магнитку и в сорокаградусные морозы, и вели неплохо...» На том, прошлом, съезде Завенягин попал в число 68 кандидатов ЦК... После того Клишевича – молодого инженера, который в сорокаградусные морозы вместе с Завенягиным вел Магнитку, – расстреляли... За вредительство... Серго Орджоникидзе, который воспевал трудовой подвиг Завенягина и Клишевича, сгорел на работе... Так работал, что даже на самоубийство сил не хватило. Пришлось помогать...

А Завенягин за умение строить сталинскими темпами на сорокаградусном морозе брошен за Полярный круг на строительство Норильского комбината. В его подчинении теперь 107 тысяч заключенных, 34 тысячи охраны и вольняшек... Завенягин добывает никель. Завенягин добывает нефть. Завенягин добывает уголь. Хорошо добывает. Железный человек Завенягин – морозов не боится. Морозы ему нипочем и преграды любые – нипочем.

Но пришла пора и Завенягина... Идет волна очистительная – ликвидация ликвидаторов. Построены гиганты социалистической индустрии, а после работы рабочее место надо убирать. Следы заметать надо. Потому судьба Завенягина решена. В число делегатов нового XVIII съезда партии Заве-

нягин попал потому, что видимость нужна: вроде не всех делегатов прошлого съезда перестреляли, вот смотрите – один сохранился! Даже улыбается... Но скоро и его очередь. Кончится съезд, отгребит... Понятно, в избирательных списках его фамилии нет... Прошлый раз попал в число кандидатов ЦК, теперь имя Завенягина в списках снято. Конченный человек. По проторенной дорожке, дорогой товарищ Завенягин, – вперед и вниз... В подвалы. Там ждут.

Судьбу Завенягина Сталин решил, приказ отдал, дело Завенягина уже в архив легло, с тысячами дел истребленных врагов... Но...

Доложил Холованов товарищу Сталину, что Завенягин на съезде партии во время тайного голосования вычеркнул фамилию товарища Берии, фамилию главного чекиста, фамилию своего нового шефа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.